

“Гитлер смотрел нам вслед”

воспоминания Лени Рифеншталь

Умерла Лени Рифеншталь — реформатор кинематографа и любимый режиссер Фюрера. Газета публикует фрагменты воспоминаний Рифеншталь о встрече с Адольфом Гитлером (впервые напечатаны в журнале «Киносценарии», № 4, 2001 г.).

«...» Хотя я не надеялась получить ответ, все же написала ему письмо. Я и теперь помню каждое слово, потому что потом мне часто приходилось его цитировать. 18 мая 1932 года я опустила письмо в ящик:

«Уважаемый господин Гитлер, недавно впервые в моей жизни я посетила политическое собрание.

Вы держали речь во Дворце спорта. Должна признаться, что Вы и энтузиазм аудитории произвели на меня впечатление. Мне хотелось бы лично с Вами познакомиться. К сожалению, я вскоре уеду из Германии в Гренландию на несколько месяцев на съемки фильма. Поэтому наша встреча с Вами, наверное, до моего отъезда не состоится. И я даже не уверена, попадет ли это письмо в Ваши руки. Я была бы рада получить от Вас ответ. С приветом — Ваша Лени Рифеншталь».

«...»

Ровно в четыре часа я сошла на станции Вильгельмштрассе и оглянулась. Высокий мужчина подошел ко мне и представился: «Брюкнер, адъютант Фюрера». Он был в штатском, как я позднее узнала. СА запрещали носить военную форму. Он подвел меня к черному «Мерседесу», где уже сидели несколько человек, также в штатском. За рулем сидел Шрек. Остальные двое представлялись: Зепп Дитрих и доктор Отто Дитрих.

Пока мы ехали, я спросила у Брюкнера, почему я так быстро получила ответ, он сказал:

— Это чистая случайность. За несколько часов до прибытия почты из Мюнхена я гулял с Фюрером по пляжу. Мы говорили о фильмах. Он сказал: «Самое прекрасное, что я когда-либо видел в кино, был танец Рифеншталь на берегу моря в «Святой горе». Когда позднее в отеле я разобрал почту и наткнулся на ваше имя, я взял письмо и отнес Фюреру. Он прочитал его и сказал: «Постарайтесь разыскать эту фройляйн Рифеншталь. Я хотел бы с ней познакомиться». Вот как это было.

Я спросила себя, случайность это или судьба?

Недалеко от пляжа машина остановилась. Гитлер подошел ко мне и поздоровался.

Из группы людей, стоявших поодаль, выскочил один человек — очевидно, он хотел сфотографировать приветствие. Но Гитлер кивнул. — Оставьте, Хофман, вы можете только навредить фройляйн Рифеншталь.

Я не поняла. Почему навредить?

Гитлер был в штатском. На нем были темно-синий костюм и белая рубашка с очень скромным галстуком. Голова была непокрыта. Держался он естественно и свободно, как обычный человек. Этого я никак не ожидала. Он ничего общего не имел с тем человеком, которого я видела во Дворце спорта.

Мы прошли по пляжу. Море было спокойное, и для этого времени года погода стояла очень теплая. Брюкнер и Шауб следовали на небольшом расстоянии от нас. У Гитлера в руках был бинокль — он разглядывал корабли, видневшиеся на горизонте, говорил мне, что это за корабли, и у меня создалось впечатление, что он хорошо в этом разбирается.

Скоро мы перешли к моей работе в кино. Восторженно он отозвался о «Танце у моря» и сказал, что видел все фильмы с моим участием.

— Сильное впечатление оставил ваш фильм «Голубой свет», прежде всего потому, что такая юная женщина смогла преодолеть сопротивление киноиндустрии.

Итак, лед тронулся. Гитлер задавал много вопросов, из которых стало ясно, что он очень хорошо информирован обо всех последних картинах. Я начала рассказывать, он долго и терпеливо слушал меня. Неожиданно он сказал:

— Когда мы придем к власти, вы должны снимать для меня фильмы.

— Я не могу, — импульсивно ответила я.

Гитлер посмотрел на меня спокойно, никак не прореагировав на мои слова.

— Я правда не могу, — извиняющимся тоном сказала я. — Два дня назад я отклонила лестное предложение католической церкви. Я никогда не смогу снимать казачьи фильмы, для этого нужен особый талант. У меня должно быть личное отношение к теме, иначе я не смогу творчески работать.

Гитлер продолжал молчать. Приободренная, я продолжала:

— Пожалуйста, не поймите меня превратно. Я вообще никогда не интересовалась политикой. И никогда не смогла бы быть членом вашей партии.

Гитлер изумленно посмотрел на меня. — А я никого и не принуждаю вступать в мою партию. Когда вы станете немного старше и опытнее, тогда, может, поймете мои идеи.

Я робко сказала:

— У вас есть расовые предрассудки. Если бы я родилась индусской или еврейской, вы бы вообще не стали со мной разговаривать. Как же я могу работать на того, кто делает такие различия между людьми!

— Хотел бы я, чтобы мое окружение так же чистосердечно отвечало мне, как вы.

Вот такой разговор состоялся у нас. Между тем Брюкнер и Шауб несколько раз подходили к нам и напоминали Гитлеру, что ему пора ехать на предвыборное собрание. Да и я уже собиралась попрощаться, так как хотела ночью вернуться в Гамбург.

Но Гитлер сказал:

— Прошу вас, побудьте еще, мне так редко приходится встречаться с настоящим художником.

— Мне очень жаль, но я должна вовремя попасть на пароход.

— Не беспокойтесь, — перебил он меня. — Завтра утром вы там будете, я организую для вас самолет.

«...»

После ужина мы все пошли гулять к морю. Гитлер выждал какое-то время, потом попросил сопровождать его. И опять на расстоянии следовали его адъютанты. Мне было как-то не по себе, но я не хотела показаться невежливой и не отказалась от прогулки.

Гитлер был веселым, говорил о своей личной жизни и о вещах, которые его очень интересовали. Прежде всего об архитектуре и музыке. Он говорил о Вагнере, короле Людвиге, о Бейруте. После долгого монолога у него вдруг изменилось выражение лица. Он страстно сказал:

— Больше всего меня волнует моя политическая задача. Я чувствую в себе призвание — спасти Германию. Я не могу и не имею права уклониться от этого.

Это был уже другой Гитлер — тот, кого я видела во Дворце спорта. Совсем стемнело, и его свиты не было видно. Мы молча шли рядом. После продолжительной паузы он остановился, долго смотрел на меня, медленно обнял и притянул к себе. Я была в смятении — такого оборота я не ожидала и не желала. Когда он заметил мое сопротивление, то сразу же отпустил меня, отвернулся, и я увидела, как он поднял руки и клятвенно произнес:

1938 год. Лени Рифеншталь принимает в своем берлинском особняке министра пропаганды Йозефа Гоббеля и рейхсканцлера Адольфа Гитлера. Фото: AP

— Я не имею права любить женщину, пока не закончу свое дело!

Я была потрясена. Мы пошли обратно к гостинице. Он пожелал мне спокойной ночи.

Я чувствовала, что ранила его, и уже раскаивалась, что вообще приехала.

На следующее утро мы все вместе позавтракали, Гитлер спросил у Брюкнера, готов ли самолет, тот ответил утвердительно. Гитлер проводил меня до гостиницы, прощаясь со мной, поцеловал мне руку со словами:

— Возвращайтесь здоровой и потом расскажете мне о своих впечатлениях о Гренландии.

— Я сообщу вам, когда я вернусь. Остерегайтесь покушения на вас.

Он резко ответил:

— Ни одна пуля негодяя меня не достанет. Машина отъехала. Когда она достигла поворота, я оглянулась. Гитлер стоял на том же месте и смотрел нам вслед.